

сразу заставляет вспомнить о многочисленных конфликтах на национальной почве как на постсоветской территории, так и за рубежом, объективно отражает современные процессы интеграции и регионализации. Пересмотрены все классические этнографические понятия: «род», «клан», «патрилинейность», «матрилинейность», «родство» и многие др. В статьях сообщается о том, как эти понятия трактовались ранее и как они рассматриваются с точки зрения современной науки. Большое достоинство этих статей – их открытость, оставляющая возможность для дальнейших обсуждений и уточнений этих понятий.

Хотелось бы пожелать авторам вынести в раздел понятий и терминов и те, что относятся к конфессиональной части работы. Тогда в этом солидном труде нашлось бы место таким понятиям (кстати, большинство из них присутствовало в предыдущем варианте), как «пантеизм», «монотеизм», «ереси», «сектантство» и др., а также таким явлениям современной жизни, как «экуменизм», «церковь молчания».

Большое достоинство издания – наличие богатого иллюстративного материала, дающего представление об этнических типах, национальном костюме, особенностях типов жилища, что делает изложение наглядным и доходчивым.

Вместе с тем авторам этого труда хотелось бы выразить и ряд пожеланий. Например, в предыдущем варианте книги очень удачно дополнение ее картами и таблицами, которые дают наглядное представление о расселении народов по континентам и языковым ареалам. Читателю, желающему, к примеру, ознакомиться только с характеристикой народов, живущих на территории Азии, легко выбрать эти народы из общего текста.

Подобные соображения ни в коей мере не снижают ценности рецензируемого труда, являющегося важным итогом плодотворной научно-исследовательской работы большого коллектива ученых. Публикация имеет большое научное и практическое значение для читателей.

Е.С. Токарева

© 2000 г., ЭО, № 1

Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. 748 с.*

В 1997 г. в отечественной исторической науке произошло знаменательное событие: издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) выпустило в свет тиражом 6000 экз. монументальный труд о русском зарубежье. Книга прекрасно оформлена (худож. оформ. А. Сорокина) и уже своим внешним видом привлекает внимание широкого читателя: на темно-синем переплете роскошно выделяется золотыми буквами название. В книге помещено 426 биографий деятелей российской науки и культуры, оказавшихся после Октябрьской революции 1917 г. и гражданской войны в России за пределами родины. Каждая статья имеет в конце библиографию (к сожалению, зачастую очень краткую).

Руководители проекта – А.К. Сорокин и В.В. Шелохаев поставили перед собой задачу включить в книгу максимально большее количество биографий людей, прославившихся в различных областях науки, техники, литературы, искусства и т.д. Очевидно, это обстоятельство определило состав редакционной коллегии, куда вошли представители самых разных специальностей: канд. техн. наук В.П. Борисов, канд. ист. наук И.С. Розенталь и В.В. Шелохаев, канд. биол. наук Т.И. Ульянкина. Еще более разносторонен по специализациям весьма квалифицированный авторский коллектив, что обеспечило высокий научный уровень этого издания.

В книге содержится 32 листа иллюстраций, на которых помещено 226 одиночных, парных и групповых портретов, т.е. свыше половины статей сопровождаются портретами. Подбор иллюстраций сделан Н.И. Канищевой, В.В. Леонидовым, А.Ю. Морозовой. Подчеркну, что написание такого громадного числа статей, многие из которых впервые в нашей отечественной литературе объективно рассказывают о своих героях, поиск фотографического материала потребовали от всего авторского коллектива и редакционной коллегии кропотливой, напряженной и целеустремленной работы.

Высоко оценивая это по-настоящему энциклопедическое научное издание, нельзя не остановиться на его отдельных недостатках. Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие многих имен деятелей российской науки и культуры, оказавшихся за рубежом именно в первой трети XX в. Понятно, что нельзя

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 99-01-00374а.

требовать невозможного – упоминания всех эмигрантов, но когда не находишь фамилий таких выдающихся ученых, как С.М. Широкогоров, С.Г. Елисейев, А.А. Бобринской, А.З. Валиди (Валидов), Н.Н. Мартинович, В.А. Иванов, И.И. Гапанович, В.И. Иохельсон и целого ряда других, то невольно задумываешься о принципах отбора и составления словника. Можно предположить, что последний не стал предметом пристального и внимательного обсуждения специалистов. Совсем не повезло деятелям российской науки и культуры, обосновавшимся в Китае. В словаре можно найти только статьи о писателе Н.А. Байкове и церковном деятеле владыке Иоанне (Б.М. Максимовиче). Но ведь в Китае, прежде всего в Харбине, жили и работали такие крупные деятели, как Н.Л. Гондатти, В.А. Рязановский, И.Г. Баранов, митрополит Мелентий, архиепископы Нестор (Харбин) и Виктор (Пекин) и др. Я специально называю здесь имена иерархов русской православной церкви, сделавших в конце концов после окончания второй мировой войны свой выбор в пользу возвращения на родину, воссоединившихся с матерью-церковью. Поэтому мне представляется некорректным и излишне политизированным утверждение автора статьи о епископе Иоанне, что последний «отказался изменить данной им Зарубежному Синоду присяге и в конечном итоге спас от репатриации и сталинских лагерей около 6 тысяч своих прихожан» (с. 269). На самом деле ситуация в Китае тогда была много сложнее и речь шла о долгожданной встрече с родиной. Это сегодня мы можем говорить о порой трагических последствиях этого патриотического акта. Кстати, и позиция владыки Иоанна первоначально была другой.

Писать для энциклопедии (сужу по собственному опыту) – дело более трудоемкое и сложное, чем написание статьи на ту же тему. Энциклопедическая статья требует предельной сжатости, информативности и точности. Тем более досадны неточности, встречающиеся в рецензируемой книге. Так, неверно утверждение, что Е.А. Ляцкий работал «в Институте антропологии и этнографии имени Петра Великого» (с. 377); кстати, речь должна идти не об институте (он был основан в 1933 г. и никогда не носил имени Петра Великого), а о музее с тем же названием. Ошибки содержатся и в послужном списке Н.М. Могилянского. Следовало бы также сказать, что Н.М. Могилянский был не только этнографом и антропологом, но и общественным деятелем. «Сборник Музея антропологии и этнографии» никогда не издавался как журнал (с. 422). В дате рождения П.Н. Милюкова названы число и год рождения, но не назван месяц (январь) (с. 415). Странно, что в статье о Н.О. Лосском не указана точная дата смерти – 24 января 1965 г. (с. 371). В.В. Леонтьев в 1921 г. поступал не в Петербургский, а в Петроградский университет (с. 354). Общеизвестно, что второго сына Н.К. Рериха звали не Сергей, а Святослав (с. 539). В статье о Д.П. Святополк-Мирском справедливо для точности приводятся разные даты его смерти, встречающиеся в литературе: на Колыме – в 1939 г. или после 1951–1952 гг. (с. 421–422). В статье о С.П. Постникове датой его кончины называется 1964 г., тогда как в книге В.Т. Пашуто (с. 158) со ссылкой на некролог сообщается другая, значительно более ранняя дата – 1933 г. Не всегда приводятся даты реабилитации репрессированных деятелей. Например, она есть в статье об Н.В. Устрялове (с. 644), но ее нет в статьях о Л.П. Карсавине (с. 284), Д.П. Святополк-Мирском (с. 422), П.Н. Савицком (с. 564).

Можно согласиться с авторами предисловия, что «эмиграция как историческое явление возникло (должно быть: возникла. – А.Р.) гораздо раньше, чем появилось само это понятие» (с. 5). Однако, пожалуй, к разряду дискуссионных следует отнести, в частности, вопрос о начале эмиграции в истории. Едва ли правомерно считать изгнание из общины за нарушение табу в первобытном обществе фактом эмиграции. Во-первых, в первобытности нарушившие запреты или сами умирали, осознав факт содеянного, или изгонялись в никуда: их никто не принимал, и одиночные изгнанники погибали от невозможности жить вне коллектива или становились добычей зверей. Кстати, изгнание из стада за провинности существует и в животном мире. Надеюсь, что хотя бы это мы не будем считать предысторией эмиграции.

Дискуссионным, с моей точки зрения, является вопрос о том, всякое ли проживание за границей следует считать эмиграцией. Например, Н.А. Невский уехал в Японию на стажировку еще до революции и оставался там свыше 10 лет, продолжая изучение языка, культуры и быта народов Японии и работая преподавателем русского языка. Все это время перед ним не вставала проблема принятия определенного решения о том, оставаться в Японии или обязательно немедленно возвращаться на родину. Как известно, Р.О. Якобсон выехал на работу в Чехословакию как советский служащий. И в дальнейшем, вплоть до оккупации Германией Чехословакии, ему не было необходимости принимать какого бы то ни было определенного решения, как и его коллеге П.Г. Богатыреву (о нем в книге статьи нет). Можно предположить, что в этот период оба размышляли о своем будущем и колебались в выборе решения. Но приход немцев заставил их определиться: П.Г. Богатырев вернулся в Москву, а Р.О. Якобсон перебрался в Швецию. Все эти ситуации дают обильную пищу для размышлений по интересующему нас вопросу.

Все приведенные выше примеры неточностей и недочетов никак не снижают высокой оценки рецензируемого труда. Я позволил себе столь подробно остановиться на них в надежде, что они могут быть учтены редакционной коллегией при продолжении этой актуальной работы. А в том, что она должна быть продолжена, у меня нет никаких сомнений. Даже само название обязывает: «Первая треть XX в.». Хочется надеяться, что продолжение не заставит себя долго ждать. Организаторы и исполнители этого значительного труда уже убедительно доказали, что они с этой задачей успешно справятся.

А.М. Решетов

© 2000 г., ЭО, № 1

The Third Wave of Modernization in Latin America. Cultural Perspectives on Neoliberalism / Ed. L. Phillips. XXIV. Wilmington, 1998. 200 p.

Для российского этнографа книга о третьей волне модернизации в Латинской Америке интересна тем, что показывает, насколько широко простерлось поле интересов зарубежных коллег. Не менее любопытно и то, что в ней можно найти массу параллелей с нашим собственным опытом переживания попыток реализации идей неоллиберализма.

Как видно из названия книги, политика неоллиберализма, проводимая в настоящее время в разных странах Латинской Америки, рассматривается как одна из череды попыток модернизации латиноамериканских экономик и обществ. Она достаточно условно определена как третья волна, при этом первая отнесена еще ко времени введения в Америке колониального порядка испанцами.

Книга состоит из трех блоков тем. В первом – «Изменяющаяся сельская жизнь» – содержатся статьи на следующие темы: реакция мексиканских крестьян-индейцев на проводимую модернизацию, соотношение между экономическим развитием и производством кокаина в Боливии, участие общинников-майя Гватемалы в современном производстве. Во второй группе статей – «Трансформирующееся городское предпринимательство» – представлены женщины-торговки перуанской столицы, динамика финансирования мелкого бизнеса в Боливии, неоллиберальные меры в послереволюционной Никарагуа. В третьей – «Перестраивающееся общество и природа» – рассматривается роль классового фактора в забастовке учителей в боливийском городе, динамичные изменения в народной медицине на северо-западе Аргентины, сравнивается реакция городского и сельского населения одной из провинций Мексики (Кампече) на экологические проблемы и, наконец, изучается влияние экологического мышления на борьбу обитателей бразильской Амазонии за свои интересы. В книге есть введение ответственного редактора Лин Филлипс «Неоллиберализм в Латинской Америке» и ее же заключение «Антропология в век неоллиберализма». Большая часть авторов – из североамериканских университетов.

Л. Филлипс представляет различные точки зрения (как положительные, так и критические) на роль попыток модернизации в истории Латинской Америки. Что касается неоллиберализма, то, как написала Л. Филлипс, последний в книге не рассматривается ни как логический успех сегодняшней глобальной экономики, ни как неизбежный путь, которому должна следовать Латинская Америка. Он понимается как политическая идеология, реализация которой различается географически и исторически. Почему она стала воплощаться в Латинской Америке – предмет спора. Некоторые исследователи, резюмирует Л. Филлипс, видят в неоллиберализме лекарство от современного экономического кризиса, другие рассматривают его как симптом кризиса, а третьи – как причину (с. XII–XVI).

Рост неоллиберализма как идеологии мировой элиты предлагается понимать в контексте унификации мировых рынков, транснационализации капиталистической экономики и конца биполярности мирового сообщества, в силу чего укрепился образ капитализма как единственно возможного выбора для человечества. В Латинской Америке неоллиберальный «рецепт» стал широко известен к началу 1990-х годов и включал в себя серию мер, направленных на финансовую стабилизацию и структурную перестройку экономики, где государство лишалось решающей роли, а прежде защищенные национальные рынки открывались транснациональному капиталу. Однако реализация неоллиберальной политики имела для разных стран Латинской Америки неодинаковые последствия.

Что касается специфического вклада антропологии в понимание «третьей волны» модернизации в Латинской Америке, то Л. Филлипс, исходя из представленных в книге материалов, склоняется к тому, что